

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St. - Pétersbourg.

Tome XIV.
(1909 - 1910).

St. - Pétersbourg, 1910.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1909.
 (Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

**Изъ рукописенныхъ матеріаловъ экспедиціи
 М. М. Березовекаго въ Кучу.**

Н. Д. Миронова.

(Представлено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 11 марта 1909 г.).

Однимъ изъ крупнѣйшихъ приобрѣтеній востоковѣдѣнія въ концѣ прошлаго вѣка является безспорно изслѣдованіе Восточнаго Туркестана, — области, гдѣ сталкивалось столько различныхъ племенъ, столько культуръ — индійская, иранская, сирійская, китайская, тюркская, — гдѣ отчасти смѣнялись, отчасти уживались бокъ о бокъ манихейство, буддизмъ, христіанство, конфуціанство, даосизмъ, впоследствии смѣненные мусульманствомъ. Оно то и разрушило памятники предшествующихъ вѣковъ, обратило ихъ въ тѣ порою жалкіе клочки, которые сейчасъ занимаютъ столькожъ ориенталистовъ. Надо ли перечислять тѣ богатые результаты, которые дали уже различнымъ отраслямъ науки экспедиціи Г. Е. Грумъ-Гржимайло, Dutreuil de Rhins, Д. А. Клеменца, Stein, Grünwedel, v. Le Coq, Pelliot, М. М. Березовекаго и многолѣтняя дѣятельность недавно скончавшагося Н. Θ. Петровскаго.

Мы имѣемъ пракритскую Dhammapada (работы С. Θ. Ольденбурга, Senart и Lüders), множество санскритскихъ, — буддійскихъ и иныхъ текстовъ (работы Hoernle, Bühler, С. Θ. Ольденбурга, Pischel, Boyer, S. Lévi, Sieg, Stönnner), уйгурскихъ (F. W. K. Müller, В. В. Радловъ, Foy, v. Le Coq), средне-иранскихъ — манихейскихъ (F. W. K. Müller, К. Г. Залеманъ).

Такимъ образомъ Восточный Туркестанъ далъ пока неоцѣнимое богатство новыхъ данныхъ для другихъ областей ориенталистики. Тѣ же немногія данныя, которыя попадались относительно самихъ туземцевъ Восточнаго Туркестана, оставались загадкой, научнымъ курьезомъ. Hoernle въ рядѣ

работъ (JASB 1893—1897) и Leumann (Literaturspr.)¹⁾ опубликовали facsimile нѣсколькихъ рукописей, дали попытку ихъ транскрипціи — далеко несовершенную, списки санскритскихъ словъ и — весьма проблематическіе — туземныхъ. Удалось лишь установить, что часть текстовъ религіознаго — буддйскаго содержанія, другая — медицинскаго (Hoernle, Weber & Macartney MSS), третья — дѣловые документы. Насчитывали нѣсколько языковъ: языкъ дѣловыхъ документовъ — близкій къ иранскому, — прото-тибетскій и монгольскій.

Leumann (I Teil, p. 651) устанавливаетъ слѣдующую классификацію: языкъ I: а) отрывки буддйскихъ сочиненій, б) медицинское сочиненіе; языкъ II: а) отрывки буддйскихъ сочиненій, б) дѣловые документы. SS. принимаютъ также дѣленіе на 2 языка съ 2 группами (А и В) въ каждомъ, но отрицаютъ дѣленіе по содержанию. Языкъ, изслѣдованію котораго посвящена ихъ работа, — *до сихъ поръ неизвѣстный*, они предлагаютъ называть языкомъ IА, находя, что а и б Leumann'a совершенно тождественны (p. 916). Съ этимъ нельзя не согласиться: достаточно бѣлаго сравненія, хотя бы отрывковъ Leumann'a Literaturspr. и Hoernle, Weber & Macartney MSS, чтобы убѣдиться, что предъ нами одинъ и тотъ-же языкъ, довольно рѣзко отличающійся отъ языка IА SS. (Укажемъ на характерныя для IВ окончанія — падежныя? — tse, — ttse, sse, — ssa, — tsana). SS. не берутся опредѣлять взаимоотношеніе А и В, — объ этомъ мы выскажемся далѣе, при рассмотрѣніи данныхъ о склоненіи языка I.

Въ языкѣ II въ группахъ А и В Leumann склоненъ видѣть нарѣчія, довольно далеко отстоящія одно отъ другого. Можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ удастся установить больше точекъ соприкосновенія между ними, и

1) R. Hoernle. Facsimile reproduction of Weber MSS., Part IX and Macartney MSS., Set I (reprinted from the JASB., vol. LXX, B. I, Extra — № 1. — 1901). — (Hoernle, Weber & Macartney MSS).

E. Leumann. Über eine von den unbekanntem Literatursprachen Mittelasiens. Z. A. H. II. Ф. О. 8. IV. 8. 1900. — (Leumann, Literaturspr.).

F. W. K. Müller. Beitrag zur genaueren Bestimmung der unbekanntem Sprachen Mittelasiens. SKPAW, 1907, pp. 958—60. (Müller, Beitrag).

E. Leumann. Über die einheimischen Sprachen von Ostturkestan im frühern Mittelalter.

Erster Teil. ZDMG, Band 61, 1907 (Leumann, I Teil).

Zweiter Teil. ZDMG, Band 62, 1908 (Leumann, II Teil).

Sieg und Siegling. Tocharisch, die Sprache der Indoskythen. SKPAW, 1908, pp. 915—934. (SS.).

Baron A. von Staël-Holstein. Tocharisch und die Sprache II. II. A. H., 1908, pp. 1367—1372. (Staël-Holstein).

(Въ скобкахъ сокращенія, подъ которыми данныя сочиненія будутъ цитироваться).

число языковъ будетъ сведено къ 2. (По крайней мѣрѣ баронъ А. А. фонъ Сталь-Гольштейнъ, — какъ намъ извѣстно изъ частныхъ бесѣдъ — склоненъ принимать II A и B за одинъ языкъ: различіе лишь въ содержаніи, стилѣ; B есть лишь разговорная форма A). Что же это за языкъ? Заслуга SS. — установленіе родства съ индоевропейскими языка I; индоевропейское же происхожденіе языка II было уже давно извѣстно. По крайней мѣрѣ, языкъ II В Hoernle и Stein («Ancient Khotan») назвали «Eastern Iranian». Leumann (II Teil) называетъ его арийскимъ, указывая на близость къ иранскому.

Müller (Beitrag) приводитъ уйгурскій колофонъ Maitreyasamiti, который говоритъ, что это сочиненіе переложено съ индійскаго на языкъ toxḡi (тохарскій), а съ послѣдняго на тюркскій, т. е. уйгурскій. Это же сочиненіе того же автора (или компилятора) Āryasandra встрѣчается и на языкѣ I A. Основываясь на этомъ, SS. называютъ этотъ языкъ «Tocharisch, die Sprache der Indoskythen». Между тѣмъ, Baron von Staël-Holstein посвящаетъ свою краткую работу доводамъ въ пользу правъ языка II на названіе тохарскаго.

Въ этомъ языкѣ Nominat. sing. оканчивается (темы на — a) на — i или, что, повидимому, то же самое, на — ä; окончаніе Genit. plur. ānu (gyastānu gyastā = skt. devātideva). Съ одной стороны въ уйгурскихъ текстахъ санскритскія слова на — a встрѣчаются съ окончаніемъ — i (напр. Varuni = skt. Varuṇa), такъ что это явленіе, вилоть до Vaibazaki Aryaṅtrinī (Vaibhāṣika Āryasandra) цитированнаго колофона надо объяснять вліяніемъ языка II (въ языкѣ I — этого окончанія — i нѣтъ). Съ другой стороны аналогичныя формы мы встрѣчаемъ въ титулѣ индоскинскихъ царей, — на монетахъ, а также и въ позднѣйшихъ индійскихъ надписяхъ и отчасти въ литературныхъ произведеніяхъ. Ихъ титулъ въ индійскихъ источникахъ śāhānu śāhi = pkt. śāhānusāhi, — на монетахъ же въ греческой транскрипціи — śāhanāno śāh или śāhāno śāh (śāhi) = «царь царей». Искусно оперируя большимъ научнымъ аппаратомъ, баронъ фонъ Сталь-Гольштейнъ приходитъ уже изъ этихъ чисто-филологическихъ соображеній къ выводу — болѣе чѣмъ вѣроятному, скажемъ мы, — что названіе toxḡi — тохарскаго = индоскинскаго принадлежитъ по праву языку II. Тотъ-же колофонъ, на который ссылаются SS., является скорѣе лишней опорой для теоріи Сталь-Гольштейна: Maitreyasamiti была составлена по индійскимъ источникамъ на языкѣ II Āryasandra, затѣмъ переведена неизвѣстнымъ на языкъ I. Текстъ на языкѣ II былъ также переведенъ на уйгурскій языкъ пѣкимъ Prajñārakṣita (Staël-Holstein, p. 1371).

1) Кромѣ этихъ чисто-филологическихъ доводовъ, можно привести еще нѣкоторыя соображенія. Тексты на языкѣ I встрѣчаются въ большомъ количествѣ на сѣверѣ (Турфанъ, Карашаръ, Куча), тексты же на языкѣ II — на югѣ (Хотанъ, Эндерэ), т. е. мѣстности, относимой нашими источниками (Сюань-Цзанъ) къ Тахаристану.

2) Баронъ фонъ Сталь-Гольштейнъ нашелъ въ петербургскихъ матеріалахъ отрывки двуязычные: на языкѣ II В съ китайскимъ переводомъ. Китайскій текстъ датированъ VIII в. по Р. Х. Между тѣмъ, арабскіе источники VIII в.¹⁾ говорятъ, что тохарскій языкъ весьма близокъ къ иранскому. Близость къ иранскому языку II очевидна, чего отнюдь нельзя сказать относительно языка I²⁾.

Такимъ образомъ, можно считать почти установленнымъ тожество В. Туркестанскаго языка II съ Тохарскимъ — индоскскимъ. — Перейдемъ теперь къ ознакомленію съ языками, такъ долго бывшими загадкой. Какъ известно, самое дешифрированіе текстовъ на этихъ языкахъ было возможно лишь потому, что туземцы пользовались сѣверно-индійскимъ алфавитомъ *Brāhmī*, — однако въ болѣе или менѣе значительно измѣненной формѣ (доходящей порой — какъ въ языкѣ II В до курсива, — *Slanting* по обозначенію Hoernle). Открытіе нѣсколькихъ санскритскихъ текстовъ, писанныхъ *Brāhmī* въ В. Туркестанѣ, облегчило чтеніе туземныхъ рукописей. Но этого было мало. Туземцы для нѣкоторыхъ звуковъ, отсутствовавшихъ въ индійскихъ нарѣчіяхъ, отчасти ввели новые знаки, отчасти же примѣняли ближе подходившіе къ нимъ знаки *Brāhmī*, — разумѣется въ иномъ значеніи, чѣмъ въ санскритѣ. Это то и вносило путаницу въ первыя попытки транскрипціи. Leumann и Hoernle открыли лишь одинъ новый знак *ä* (≡), прочіе новые знаки читались ими какъ ближайшіе санскритскіе (вмѣсто *w* или *k* Leumann читалъ *kh*, вмѣсто *p* — *dh* и т. д.). SS. замѣтили, что почти всѣ новые знаки (*Fremdzeichen*) появляются въ извѣстныхъ случаяхъ *вмѣсто* нѣкоторыхъ индійскихъ. Руководясь этимъ, они и установили ихъ истинное значеніе. На стр. 918 мы находимъ цѣлый рядъ новыхъ знаковъ: *k*, *dh*, *n*, *p*, *m*, *r*, *l*, *w*, *ś*, *s*, *ś*. — Мы примѣнили таблицу SS. къ транскрипціи отрывковъ Leumann'a (*Literaturspr.*) и собранія Березовскаго (Азіатскій Музей). Всѣ знаки SS. мы тамъ нашли, новыхъ же, т. е. не приводимыхъ ими, не встрѣчали. Замѣтимъ, что только знаки *≡* (*ä*) и *k* попадаютъ въ языкѣ II, всѣ остальные встрѣчаются лишь въ текстахъ языка I (А и В). Звукъ *≡* (*ä*)

1) Marquart, *Ergänzung*, p. 89.

2) Эти данныя взяты нами изъ находящейся сейчасъ въ печати работы барона Сталь-Гольштейна.

SS. приравниваютъ къ Schwā indogermanicum, неопредѣленной гласной, транскрибируемой э. Въ языкѣ I онъ легко выпадаетъ (напр., ñkadh — genit. ñaktes); иногда этотъ знакъ замѣняется i. Эта замѣна особенно часто встрѣчается въ языкѣ II, даже въ транскрипціи санскритскихъ словъ (çavauāmā = çavauāmi, — Staël-Holstein, p. 1367). Повидимому тамъ — лишь графически отличается отъ i, какъ думаетъ Leumann (I Teil, p. 656, прим. — balysä = balysi, читай balzi и т. д.). Врядъ ли онъ имѣетъ что-нибудь общее съ нѣмецкимъ ä: наша транскрипція лишь вводитъ въ заблужденіе — не слѣдуетъ забывать, что въ основѣ системы Brāhmī лежитъ семитическій принципъ, и а есть, въ сущности, эквивалентъ alef'a.

Каковъ былъ характеръ специфически восточно-туркестанскихъ звуковъ, выражаемыхъ «Fremdzeichen» — установить нелегко. Ясно, что это не aspirata, такъ какъ h въ яз. I отсутствуетъ (знакъ h встрѣчается лишь въ заимствованныхъ словахъ). SS. (p. 918) утверждаютъ, что эти «дублеты» встрѣчаются только въ исходѣ словъ передъ согласной, но не въ лигатурахъ, гдѣ пишутся обыкновенные знаки Brāhmī. Въ началѣ или внутри словъ дублеты *никогда* не вокализуются. Съ другой стороны, знакъ — встрѣчается послѣ обыкновенныхъ согласныхъ въ исходѣ словъ съ virāma; въ такихъ случаяхъ — по мнѣнію SS. имѣетъ значеніе «Klangstütze». Въ одномъ случаѣ śak встрѣчается вмѣсто обыкновеннаго śāk («10»). Изъ этого SS. дѣлаютъ выводъ, что всѣ новые знаки (кромѣ w) лишь дублеты обыкновенныхъ, но съ *интегрирующимъ* ā. Намъ кажется, что это заключеніе недостаточно обосновано. Прежде всего śak вмѣсто śāk можетъ быть простой опиской. Мы же нашли въ отрывкахъ Березовскаго нѣсколько случаевъ, гдѣ «дублеты» вокализуются: raṇ (Бер. I, 2^b, стр. 4); ṣṣaṇ (Бер. I, 10^b, стр. 5); sā (Бер. I, 10^a, стр. 4); vṣā (Бер. I, 10^b, стр. 5). Особенно послѣдніе 2 примѣра дѣлаютъ положеніе SS. весьма мало вѣроятнымъ.

Таблица звуковъ языка I A (SS., p. 920) открываетъ намъ одно весьма характерное явленіе — полное отсутствіе mediae. Это побудило профессора Pischel'я въ своемъ послѣсловіи (Nachwort) выставить законъ о переходѣ въ яз. I mediae въ tenues (SS., p. 932), чему не мало примѣровъ: knān — знать — ṛi-ṛṛṛṛ-ṣkṛṛ, kam — идти — skt. gam (нѣм. kommen). Еще одна интересная черта яз. I — склонность къ palatales, распространяющаяся даже на заимствованные слова (ñare-skt. naraka — «адъ», SS., p. 921). SS. выставляютъ законъ перехода dentales въ palatales (SS., p. 927), напримѣръ, māsar — «мать», ṛasar — «братъ», skāsar — «дочь» — skt. duhitar, окончаніе 3 plur. въ глаголахъ — ñc^a = nī, ñc^a = nī. Укажемъ кстати нѣкоторые параллели съ другими индоевропейскими языками (см. SS., p. 927): tu — ты —

лат. *tu*, *wir* = лат. *vir*, *ālyek* — лат. *alius*, *wāndh* (читай *windh*?) — лат. *ventus*, *por* = πῶρ, *nom* — *nomen*, *yakwe* (I B) — *equus*, *ku* (I B) — κῠων, *okso* (I B) — *корова* — герм. *ochs*, *kandh* (I B *kante*) = 100 — *centum*, *tri* — три и т. д. Въ этой таблицѣ прежде всего бросается въ глаза близость словаря языка I къ европейской вѣтви, гораздо болѣе замѣтная, чѣмъ связь съ арийскими. Это и привлекло внимание ученыхъ, напр. Eduard'a Meyer (Geschichte der Altertums⁹ (1909), I B, II Hälfte, pp. 799 sqq.). Намъ кажется, что не слѣдуетъ упускать изъ виду связи съ восточной вѣтвью въ фонетикѣ, именно въ вокализмѣ: *yakwe* — *equus* — *skt. aṣva*, *ir. aspa*; *pañ* = *πεντε* — *skt.*, *ir. pañca*; *ṣak* — *sex* — *skt. ṣaṣ*; *kandh* — *centum* — *skt. śata*, *ir. sata*, *knaṇ* — *γνω* (γῆγνωσχω) — *skt. jñā*, *ir. zan*, *kam* — *skt. gam*. — нѣм. *kommen* Въ приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ характерный для арийскихъ языковъ переходъ *e* и *o* праязыка въ *a*. За то съ другой стороны можно указать много случаевъ, гдѣ эти *e* и *o* сохраняются, напримѣръ, *okadh* — *octo* — *skt. aṣṭa*, *ir. aṣta*, *nom* (I B *ñem*) — *nomen*, *skt.*, *ir. nāman*, *ṣeñc*^a — *εἶσι* — *skt. santi*. Такимъ образомъ вокализмъ языка I занимаетъ среднее мѣсто между арийскими и европейскими языками.

Относительно флексій языка I SS. не указываютъ параллелей съ индоевропейскими; профессоръ Pischel (Nachwort) находитъ даже, что туземцы В. Туркестана (индоскьюы, какъ онъ ихъ называетъ) — усвоили флексию какого-то другого языка, сохранивъ индоевропейскій словарь (и спряжение, какъ мы увидимъ далѣе). SS. (p. 922) различаютъ въ языкѣ I A нѣсколько склоненій: темы на *-upe*, на *-e* и остатки другихъ (на *-i*). Окончанія *sing. nom. acc.* -, *instr.* -*yo*, *dat.* -*ac*^a, *abl.* -*as*, *gen.* -*es*, *loc.* -*am*, *comitativus* — *aśśāl*; окончаніе *-ā* служить для выраженія причины («auf Grund von»). Окончанія *pluralis* тѣ же, но между темой и окончаніемъ стоитъ инфиксъ, напримѣръ, *dat. sing.* отъ *ñkadh* («бойтъ») — *ñāktac*^a, — *dat. plur.* *ñaktasac*^a, *abl. sing.* *ñāktāṣ*, *abl. plur.* *ñaktasas*. Только въ *pluralis* встрѣчается форма на *-āśśi*, по словамъ SS. — особая форма *gen. partitiv.*

SS. полагаютъ (p. 917), что только языкъ I A имѣетъ склоненіе въ настоящемъ смыслѣ слова — съ падежными окончаніями, тогда какъ языкъ I B имѣетъ лишь приставки. Такъ ли это? P. 917 приводитъ слѣдующая сравнительная таблица склоненія слова *paṭsak* (I A) — *palsko* (I B) = *skt. vijñāna*:

	A	B
Nom.	<i>paṭsak</i>	<i>palsko</i>
Abl.	<i>paṭśkas</i>	<i>palsko-mem</i>
Gen.	<i>paṭ(t)śkes</i>	<i>palsko-tse</i>
Loc.	<i>paṭ(t)śkaṃ</i>	<i>palsko-ne.</i>

Намъ кажется, что въ gen. и locat. можно найти нѣчто общее; не являются ли формы *palskotse* и *palskone* первоначальными, болѣе древними по отношенію къ соответствующимъ формамъ языка I A? Конечно и въ *Brāhmi* (вообще въ сѣверно-буддійскихъ текстахъ и въ санскритѣ) выражается чрезъ *anusvāga*; поэтому мы можемъ читать *pal(t)skan*, — т. е. почти та же форма, что и въ I B, но съ отпаденіемъ конечнаго e. Такое отпаденіе вообще не рѣдко: I A — *kandh* (100) = I B — *kante*; «третій» въ I A — *tridh*, въ языкѣ I B — *trite* и т. п. (ср. SS., p. 925).

Такая же связь не возможна и въ окончанияхъ gen.: I A — *s*, I B — *tse*. (Переходъ *ts* въ *ṣ* — I A — *tsar*, I B — *ṣar* («фука»). Повидимому, самое слово *palsko* — *palsak* является въ I B въ первоначальной формѣ, въ языкѣ же I A уже неустойчивость *t* между *l* и *s* можетъ указывать на то, что оно вставлено лишь для благозвучія. Загѣмъ въ языкѣ I B часто встрѣчаются окончанія -*cce* (-*cʰ* — dat.?) — *wro-cce*, *peṇya-cce*, — *-ṣṣe* (= *āśśi*?) (*Leumann*, *Literatursprg.*). Это все заставляетъ насъ думать, что склоненія языка I B ближе къ склоненію I A, чѣмъ полагаютъ SS.

Даже болѣе того: возможно, что склоненіе I B первоначально — его «приставки» превратились въ «падежныя окончанія» въ языкѣ I A. Это соображеніе, а также указанное нами отпаденіе конечныхъ гласныхъ въ языкѣ I A наводитъ насъ на мысль, что B есть древнѣйшая форма языка I, A — позднѣйшая. SS. (p. 917) отказываются опредѣлить отношеніе между ними: является ли различіе хронологическимъ или діалектическимъ. Одно, конечно, не исключаетъ другого: въ силу какихъ-либо обстоятельствъ въ известной части Восточнаго Туркестана могло сохраниться болѣе древнее нарѣчіе наряду съ болѣе развитымъ въ другой мѣстности.

Кромѣ того, по нашему мнѣнію, возможны параллели во флексіи и съ другими языками. Такъ окончаніе -*ā*, выражающее отношеніе причинности, легко можетъ быть сопоставлено съ арійскимъ -*ā*, окончаніемъ *instrumentalis*. (Если только въ языкѣ I A это не простая приставка, что допускаютъ SS.). Далѣе можно сопоставить окончаніе gen. sing. -*tse* (I B, -*s* въ I A) съ skt. -*ṣya*, av. *he* (темы на -*a* и *pronomina*).

Можетъ быть есть нѣкоторая связь между -*āśśi* (или *aśśi*) — gen. partit. и skt. -*su*, оконч. loc. plur. (греч. -*σι*), тѣмъ болѣе, что въ skt. locat. употребляется почти въ одномъ смыслѣ съ genit. part. (*Speyer*, *Ved. und skt. Syntax*, Gr. I. A. Ph., § 77, 2). SS. переводятъ, напримѣръ, *wasaśśi* (p. 931) — «unter den Menschen»; по санскритски было бы «*manuṣyeṣu*».

Весьма интересно сопоставленіе, дѣлаемое Ed. Meyer (op. cit., p. 802),

окончания comitat. -aśśil съ comit. -aśśil въ Mitani, — этомъ первомъ въ исторіи представителѣ арійскихъ языковъ.

Само собой разумеется, всѣ наши сопоставленія лишь гипотезы, можетъ быть, черезъ чуръ смѣлыя. Пока у насъ не будетъ больше матерьяла, особенно двуязычныхъ текстовъ, пока не установлены вполне точно ни значеніе формъ, ни число ихъ (напримѣръ, Vaibhāṣikyaṛ во много разъ цитированомъ колофонѣ — SS., p. 928 — вѣроятно, какъ думаетъ Staël-Holstein, p. 1371, casus obliquus, но какой?), — всѣ сужденія болѣе или менѣе гипотетичны. Но все же было бы странно, если бы языкъ I, сохранивъ и словарь, и спряженіе индоевропейскихъ языковъ, совершенно утратилъ индоевропейское склоненіе, замѣнилъ бы его заимствованнымъ изъ другого, чуждаго языка. Проф. Pischel (p. 934) ссылается на примѣръ языка Nuri (Macalister, Journ. Gypsy Lore Soc., N. S. I, 385), но странность многихъ надежныхъ окончаній можетъ быть объяснена иначе. Новоиндійскіе языки (Bengālī, Hindī и др.) отчасти утратили санскритскія надежныя окончанія и замѣнили ихъ новообразованиями, восходящими къ санскриту же. Такъ, plural. образуется чрезъ прибавленіе -log = skt. loka, или -jan = skt. jana (оба эти слова значатъ «люди») — см. Hoernle, Gram. Gaudian. languages, London, 1880, p. 185; окончаніе genit. -ker = skt. kṛta «сдѣланный», окончаніе dat. -lidho изъ skt. labdhe «для пользы, commodo» (ib., pp. 234, 224).

Представимъ себѣ, что мы, не имѣя никакихъ остатковъ санскрита, увидѣли бы предъ собой текстъ на какомъ-нибудь новоиндійскомъ языкѣ. Легко могло бы показаться, что флексія не индоевропейская. — Возможно, что подобный процессъ произошелъ и въ восточно-туркестанскихъ языкахъ: часть древнихъ надежныхъ окончаній была вытѣснена новообразованиями.

Относительно мѣстоименій SS. признаютъ, что матерьялъ недостаточенъ. Тѣмъ не менѣе, приводимые ими образцы (p. 924) ясно говорятъ о своемъ индоевропейскомъ происхожденіи: 1 л. plur. *naṣ*, 2-е tu; possessiva— *ñi*, *tñi*, *ṣñi*; interrog. *kus*, neutr. *kuc*^a.

За те SS. (pp. 924—25) даютъ полную систему numeralia (I A и B): 1—*ṣa* (*ṣe*), 2—*we* (*wI*), 3—*tri* (*trai*), 4—*stwar* (*stwer*), 5—*pañ** (*piś*), 6—*ṣak* (*ṣkas*), 7—*ṣpadh* (*ṣukdh*), 8—*okadh* (*okdh*), 9—*ñu*, 10—*śāk* (*śak*), 100—*kandh* (*kante*), 1000—*wāḷts*, 10000—*tmāṃ* (*tmān*), 10 милліонъ—*koriskt. koṭi*. — На первый взглядъ видно, что система — индоевропейская и притомъ оригинальная. — Намъ хотѣлось бы обратить вниманіе на названіе 10000—*tmāṃ* или *tmān*. Если вспомнить столь часто встрѣчающееся выпаденіе гласной между двумя согласными въ языкѣ I, напр. — *skācar* = skt. *duhitar*, *ṣpadh* = skt. *sapta* и т. п., то мы легко можемъ себѣ представить форму *tmān*.

Это приводит насъ къ распространенному во всѣхъ урало-алтайскихъ языкахъ (до тунгусскаго включительно) слову *tuman* (монг. *tumän*)—10000. Ramstedt (*Journal de la Soc. Finno-Ougrienne*, XXIV, p. 22), приводящій это слово въ различныхъ формахъ, не считаетъ и предполагаеетъ въ качествѣ первоначальной формы *tumi* или *timi*. Считая это слово заимствованнымъ въ очень древнюю пору, онъ затрудняется указать источникъ заимствованія. Въ качествѣ предположенія онъ указываетъ на китайское *wan, mān*—10000, *tímán*—10000-ный. — Нельзя ли видѣть этотъ источникъ скорѣе въ языкѣ I? Всѣ данныя Восточно-Туркестанскихъ раскопокъ указываютъ на значительное вліяніе первоначальнаго населенія на пришельцевъ тюрковъ. Несомнѣнно, много буддійскихъ текстовъ переводилось съ туземныхъ языковъ на уйгурскій (см. Müller, *Beitrag*). Ваіяніе этихъ туземныхъ языковъ сказывается и по сей день въ монгольскомъ — въ буддійскихъ именахъ, являющихся не въ санскритской, а въ характерной для языка II (тохарскаго) формѣ, — напр., *skt. Krakucchanda* въ языкѣ I *Krakasundi*, въ монг. *Kārkāsundi* (*Grünwedel, Mythol. d. Buddhismus*, 1900, p. 111).

Палеографическія данныя даютъ намъ указаніе — приблизительно, конечно, — на эпоху этого вліянія — вѣроятно VI—VIII вв. по Р. X., — эпоха довольно ранняя въ исторіи урало-алтайскихъ народовъ. Культурно-историческія соображенія заставляютъ насъ предполагать заимствование отъ болѣе культурныхъ туземцевъ менѣе культурными тюрками. Еще одно обстоятельство склоняетъ насъ къ этому; именно церковно-славянское и русское «тъма», «тъма» (производное «темникъ» «начальникъ 10000» и «подкидышь, незаконный сынъ»). Въ III изд. Словаря Даля проф. Бодуэнь-де-Куртенэ отдѣляетъ «тъма» мракъ отъ «тъма» — 10000, но въ бесѣдѣ съ нами онъ высказался въ томъ смыслѣ, что не видитъ препятствій къ сведенію этихъ словъ къ одному, въ первоначальномъ значеніи «мракъ». Профессору любезно указалъ намъ на аналогичное явленіе въ польскомъ и малороссійскомъ яз.: «хмара» значить первоначально «туманъ», затѣмъ «неопредѣленное множество». Логическій переходъ значенія въ словѣ «тъма» понятенъ: мракъ, нѣчто темное, — напр., стая саранчи, табунъ лошадей, — неопредѣленное множество, затѣмъ уже какъ специализація — 10.000. Слово же «тъма» мракъ несомнѣнно индоевропейскаго происхожденія, связанное съ *skt. tamas*. (Замѣтимъ, что въ турецкомъ *tuman* — значить и 10000 и «туманъ» въ нашемъ смыслѣ этого слова).

Verbum substantivum спрягается такъ: 1 *sing. şem*, 3 — *şes*, 1 *plur. şemas*, 3 *plur. şeñc^â* (не связано ли съ этимъ *şeñcai* въ I B?). — Вообще

наши свѣдѣнія о спряженіи очень неясны; SS. (р. 926) предполагаютъ существованіе *actív.*, *passív.* и *med.* (Къ двумъ послѣднимъ, вѣроятно, относятся окончанія — *tṛ*, *dhar*, — *tṛm*, — *ndhar*, — *ntṛ*, ср. лат. — *tur*, *ntur*). Очень часто встрѣчаются *participia* съ удвоеніемъ и безъ него. SS. (*ibid.*) сопоставляютъ *part. pass.* (?) на *nāl* (I A) съ формами на — *nalle* I B, напр. *karsanalle* = *skt. jñeya*. Мы встрѣтили (3 раза) въ отрывкахъ I B только форму *karsanalaye* (ср. *Leumann, Literaturspr.*, ст. 75°).

Гораздо менѣе полны наши свѣдѣнія о языкѣ II (Тохарскомъ). Мы уже видѣли, что *Leumann* называетъ языкъ II A — «*arische Textsprache*», II B — «*arische Documentensprache*». Все, что намъ извѣстно объ этомъ языкѣ, можетъ побудить насъ назвать его, какъ думаетъ *Müller* (*Beitrag*), иранскимъ. Близость его къ иранскому очевидна, связь же съ индійскимъ слишкомъ слаба, чтобъ ему можно было присвоить названіе «арійскаго». Напр., слова *hauda* (*Leumann, II Teil*, р. 95) — 7, *gyasta* — «богъ» (*g* — лишь *spiritus asper*), *pīga* — «сынъ», — скорѣе напоминаютъ иранскія *hapta*, *uzata*, *puhr* (среднеиранск.), нежели ихъ санскритскіе эквиваленты. Многія слова вродѣ *dasta* — «рука», *zānū* (пишется *ysānū*) — «колѣно» ср.-ир. *zānūk* — *Leumann* (I Teil, р. 656) считаетъ заимствованными изъ персидскаго, но они могли бы быть и туземными, — для заимствованія они слишкомъ элементарны. — Письмо, употребляемое для языка II A (только съ нимъ мы и имѣемъ дѣло, — о II B — мы знаемъ пока слишкомъ мало), — обыкновенное кашгарское *Brāhmī* безъ новыхъ знаковъ, встрѣчающихся въ языкѣ I (кромѣ *ā* и *k*). За то звуки, не имѣющіеся въ санскритѣ, выражаются комбинаціями знаковъ; такъ *z* — черезъ *ys* (*ysānū* = *zānū*, *balysā* = *balzā*). Склоненій пока установлено два: склоненіе существительныхъ (темы на — *a*) (*Leumann, I Teil*, р. 657) и склоненіе прилагательныхъ (*Leumann, II Teil*, р. 109); причѣмъ особенности окончаній послѣдняго объясняются сліяніемъ *a* основы съ флексіей. Напр., *nomín. dātā* — «*dharma*», — соответствующее прилагательное — *dātinai*; *accus. dātu*, — прилаг. *dātinau* и т. д. — Числительныя, которыхъ пока мы знаемъ немного, близко подходятъ къ иранскимъ: 1 — *śu*, 5 — *pus*, 7 — *hauda*, 9 — *nau*, 20 — *bāstā*, 30 — *dārsā*, 40 — *caholśā*. Интересно, что сложныя числительныя образуются при помощи вставки — *rage* (вѣе послѣ гласныхъ) между единицами и десятками (*Leumann, II Teil*, р. 95). О глаголѣ намъ извѣстно тоже очень немного; повидимому, онъ близокъ къ арійскимъ.

О словарѣ мы говорили выше. Замѣтимъ, что индійскія имена, приспособленныя къ особенностямъ туземнаго языка, являются скорѣе въ пракритской, нежели санскритской формѣ; напр., *Kaśśavi* = *skt. Kāśyapa* (*Leumann, II Teil*, р. 96) = *pkt. Kaśśava*. Форма же *Gajakaśśavi* = *skt. Gayā-*

kāṣuara еще болѣе напоминает pkt. — переходомъ skt. у въ j. — Нахождение около Хотана пражитской рукописи Dharmarada (писанной kharoṣṭhī, — см. С. Ф. Ольденбургъ, — Предварит. замѣтка о будд. рук., написан. письмен. kh., СПб., 1897, — Senart, J. A., 1898), особенно же многочисленныхъ пражитскихъ документовъ, писанныхъ kharoṣṭhī, дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что въ основу туземной буддійской литературы легли — хотя бы отчасти — пражитскіе оригиналы.

Часто встрѣчающееся слово balza (nomin. balzā — balysā) Leumann переводитъ сперва=Bhagavat «Господь», во II части—Buddha.—Нельзя ли связать это слово съ av. bərəza, bərəzant=skt. bṛhant—великій? Въ средне-иранскомъ rd (на западѣ = вост. rz) переходять въ l; можетъ быть, lz является своего рода переходной ступенью къ этому l.

Какъ ни мало матерьяла, какъ ни общи и смѣлы грамматическіе и прочіе выводы изъ него, нельзя не признать, что за послѣдніе годы восточно-туркестанская филологія сдѣлала громаднѣйшій шагъ впередъ. Мы можемъ сказать, что ей положено на нашихъ глазахъ основаніе—прежде всего работами Leumann'a, Sieg'a и Siegling'a.

Вотъ въ немногихъ словахъ итоги этихъ изслѣдованій: предъ нами 2 индоевропейскихъ языка, одинъ изъ нихъ (II) — тохарскій, близкій къ иранскому, языкъ индоскивовъ, загадочныхъ доселѣ завоевателей Индіи. Опредѣленіе родства другого — I —, во многихъ отношеніяхъ близкаго къ европейской вѣтви, пріобрѣтаетъ еще большее значеніе: мы видимъ индоевропейцевъ въ Турфанѣ, въ глубинѣ Азіи. Можетъ быть, здѣсь надо искать родину индоевропейцевъ? Ed. Meyer, подъ влияніемъ открытія Sieg'a и Siegling'a, склоненъ оставить теорію о европейской родинѣ нашей расы (op. cit., p. 801).

Таковы перспективы, открывшіяся при самомъ возникновеніи восточно-туркестанской филологіи.

Издаваемый текстъ представляетъ отрывокъ, писанный кашгарскимъ гупта. Длина? Ширина 0,091 м.

a.

- 1) — naksentr āmaṣṣeñcaī · nandanti bahubhāninam · naks —
- 2) — sti lokeṣv aninditaḥ mānesaṃ śaiṣṣene anākatte 45 —
- 3) — praçamsitaḥ somo kalymi wadh papālau · nābhūd bhaviṣyati —
- 4) — ñ — kalpāstr 46 yan tu vijñā praçamsanti · k^{ce} no —
- 5) — sā sā samākhyātā · pālalyñe sū wewenu · na tv aḥñair y. —
- 6) — .ā ndhaya .e mparintoṣ · prājñam çīleṣu samvr · —

b.

- 1) — *ṣḍhā kas ta. inditum arhati· k'se cau nāktsi arcantr̥ 48 ç —*
- 2) — *mā w. kattr· evaṃ nindāpraçamsābhīḥ mattrākkanākal. ñ. e —*
- 3) — *śya mūlaṃ kṣitau nāsti· kete witsakokenne mānesaṃ· parṇ —*
- 4) — *cau k(?)aśamoṃś nmau mensalpoṣo· ko nu ninditum arhati· —*
- 5) — *ntānaṃ parikhāñ ca yo nivṛttaḥ serketsrremeṣp k'se kaklau —*
- 6) — *devako pi lokaḥ mākaśdhṛ śleñākcuyerano śaiṣṣe 51 ya —*

Издаваемый текст представляет собой отрывокъ изъ Dharmapada — по-санскритски съ переводомъ на языкъ I B, — соответствующий vv. 55—61 Yugavarga (XXIX), изд. Pischel¹⁾, — Dhammapada-Kodhavaggo, vv. 227—230 (ed. Fausböll), — тибетскаго Phrugs, vv. 48—53²⁾). Стихи нумерованы 45—51 (также какъ Tr., рец. B). За каждымъ санскритскимъ pada слѣдуетъ его переводъ на языкъ I, повидимому, тоже стихотворный (çloka).

Примѣчания къ санскритскому тексту.

Для удобства сравненія мы приведемъ соответствующіе стихи по изданію Pischel.

nindanti tūṣṭīm āśīnam nindanti bahubhāṣīnaṃ
alpbhāñim ca nindanti nāsti lokeṣv aninditaḥ 55 (B 45)

(B ananditaḥ)

ekāntaninditaḥ puruṣaḥ ekāntaṃ vā praçamsitaḥ
na cābhūn na bhaviṣyati na cāpy etarhi vidyate 56 (B 46)

(рец. A na . . . d bhaviṣyati ca no)

yaṃ tu vijñāḥ praçamsanti hy anuyujya çubhāçubham
praçamsā sā samākhyātā na tv ajñair yaḥ praçamsitaḥ 57 (B 47)
medhāvināṃ vṛttayuktaṃ prājñāṃ çileṣu saṃvṛttam
niṣkaṃ jāmbuñadasyeva kas taṃ ninditum arhati 58 (B 48)
çailo yathāpy ekaghano vāyunā na prakampyate·
evaṃ nindāpraçamsābhīr na kamyante hi pañditaḥ 59 (B 49)
yasya mūle tvacā nāsti parṇā nāsti tathā lataḥ

1) Die Turfan-Recensionen des Dhammapada, SPAW, XXXIX, 1908, pp. 968—985 (Tr.).

2) Udānavarga, ed. Rockhill, London, 1883. (Tr. Or. Ser.).

taṃ dhīraṃ bandhanān muktaṃ kas taṃ ninditum arhati 60 (B 50)
 yasya ha prapañcitam hi no sat santānaṃ parighaṃ ca yo nivṛttaḥ
 tṛṣṇāvigataṃ munim carantaṃ na vijānāti sadevako 'pi lokāḥ 61
 (B 51). —

Рецензія нашего отрывка ближе всего подходит, какъ и слѣдовало ожидать, къ турфанскимъ, однако не тождественна ни съ одной изъ нихъ.

- 1^a. (v. 45) nandanti — вѣроятно, описка вмѣсто nindanti. — bahubhāninam — также Pāli.
 3^a. (v. 46) nābhūd bhaviṣyati [ca no] — См. Tr., рец. А.
 3^b. (v. 50) [ya] sya mūlaṃ kṣītau nāsti. Вмѣсто tvacā Tr., chāmā — Pāli — kṣītau, также какъ и въ тибетскомъ (см. Udānavarga, v. 53, p. 150).
 4^b. (v. 50) ko nu и т. д. — также, какъ и Tr. А (?).
 5^b. (v. 51) parikhāñ — Tr. parighaṃ (B — parigha, A — parikhaṃ).

Примѣчания къ тексту на языкѣ I B.

- 1^a. naksentr — вѣроятно, глаголъ; SS. — ntr — окончание 3 plur. $\sqrt{\text{nak}}$ или nāk = nind — порицать — ср. 2^a anākatte = anindita, 1^b nāktsi = ninditum. naksentr = nindanti (?) (nindanti tūṣṇim āsinam).
 2^a. Если туземная фраза — rada ḥloka, то приходится выкинуть 2 слога. Для этого, можетъ быть, надо читать «новыя» согласныя (Fremdzeichen) s и k безъ ингерирующей гласной, т. е.: mānes śaiṣṣene anākṭte. Несомнѣнно, что туземныя фразы (законченныя, какъ показываетъ знакъ ·) — 3^a, 1^b — rada ḥloka.
 śaiṣṣene — loc. отъ śaiṣṣe = loka — «мѣръ» (SS., p. 917) anākṭte — $\sqrt{\text{nak}}$ = nind. Вѣроятно, mānesam (mānes) = nāsti «нѣтъ». Ср. 3^b. mā въ смыслѣ отрицанія (ср. μη, skt. mā) — 6^b.
 3^a. kalumī — ср. kalumām, $\sqrt{\text{kaly}}$ = skt. ḥru — «слышать». (SS., p. 926). Вѣроятно = praḥamsitaḥ.
 4^a. kalpāstr — $\sqrt{\text{kālp}}$ — SS. erlangen (p. 931) — «достигать». Вѣроятно, переводъ vidyate.
 k^{ce} no. — k^{ce}se — лигатура съ 2 гласными. Вѣроятно, переводъ uam; ср. SS. p. 924 — kusne, kusne. Очевидно, что k^{ce}se не neutrum.
 5^a. weweñu — вѣроятно, = wewñu = skt. ukta (SS., p. 926). pālalyne — вѣроятно, subst. verbale (ср. SS. 922, — solune, yāmlune и пр.). $\sqrt{\text{pāl}}$ = praḥams? М. 6., rapālau. (3^a) связано съ этимъ $\sqrt{\text{pāl}}$.

1^b. k^{se} (лигатура съ 2 гласными) = kaḥ (SS., p. 924). cau (com?) = tam (ср. sam — SS., ib.).

nāktsi = ninditum — infinit. √nak или nāk.

arcantṛ = arhati. М. б., передѣлано изъ санскритскаго слова.

2^b. nāk — въ matṛākkanākal. ṅ. e — м. б., тоже связано съ √nāk (nak).

3^b. mānesaṃ см. выше (2^a).

Въ kete witsakenne — — ne — окончание loc., передающаго kṣītau.

5^b. k^{se} — см. выше (1^b).

kaḥlau. — [l]au — встрѣчается въ rapālau (3^a). Не есть ли это окончание participii?

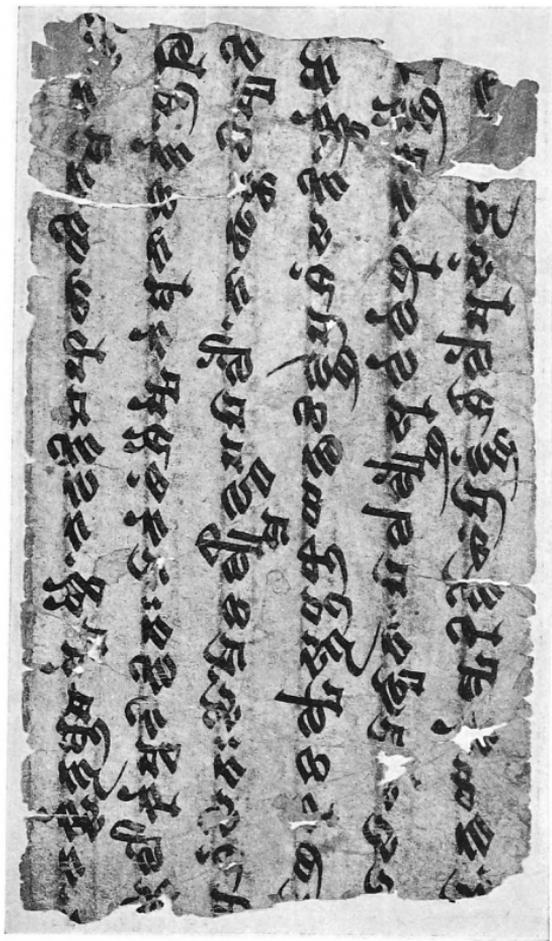
śleñāksi — śle вѣроятно = I A śla = skt. sa^o (SS., p. 922). nākci — связано съ nākte — «богъ».

Наша замѣтка была уже набрана, когда вышла въ свѣтъ статья барона А. фонъ Сталь-Гольштейна: «Tocharisch und die Sprache I» (Изв. И. А. Н., 1909, стр. 479—484). Помѣщенный въ концѣ ея списокъ словъ языка II не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что это языкъ иранскій, какъ утверждаетъ авторъ въ согласіи съ Müller'омъ (см. выше, стр. 556).

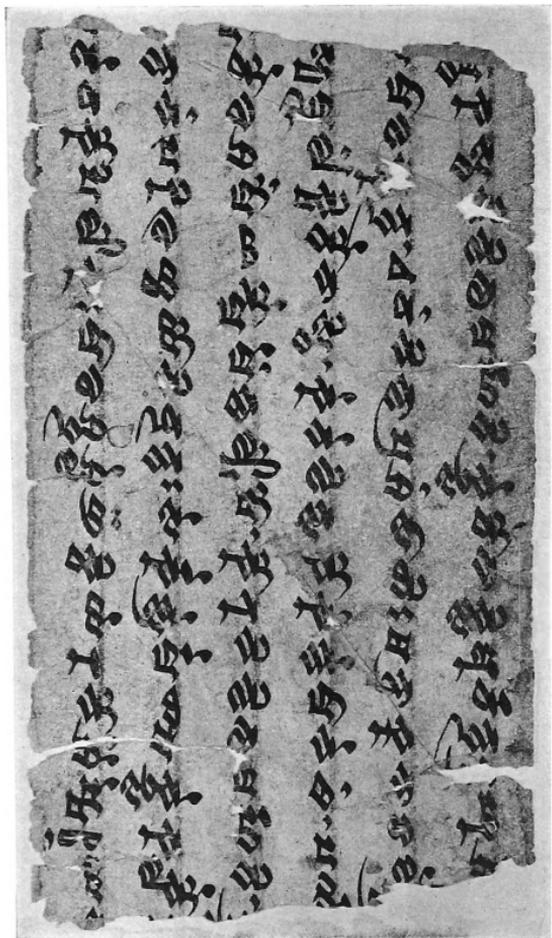
Н. Д. Мироновъ. Изъ рукописныхъ матеріаловъ экспедиціи М. М. Верезовскаго въ Кучу.

а.

Отрывокъ санскритскаго Дхаттарода съ переводомъ на языкъ Г. В.

Извѣстія И. А. II. 1009.

b.

Орпагокт. санскритско Dharmapala съ неположит. на гласът. I B.